Научная статья
УДК 81`23
DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-56-70

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЕ И «ЖИЗНЬ ЯЗЫКА»: ЭРРАТИВЫ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пешкова Н. П.*, Моисеева А. В., Титлова А. С.

Уфимский университет науки и технологий, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32,
Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.09.2024

После доработки 03.10.2024

Принята к публикации 04.10.2024

Аннотация

Цель. Выявление функционального потенциала эрративных единиц в коммуникативных практиках интернет-пространства для построения их более детальной классификации и дальнейшего изучения эрративов, в том числе выявления и прогнозирования возможностей их функционирования.

Процедура и методы. Для реализации задач настоящего исследования использовались метод дискурсивного анализа, корпусный метод, метод социо-психолингвистического эксперимента, интерпретационный метод, метод сравнения и обобщения.

Результаты. Анализ современных речевых практик позволяет предположить, что эрративы интернет-языка, за исключением грубой и обценной лексики, представляют собой явление, характеризующееся двойственной природой. Двойственность природы эрративов заключается в сосуществовании присущих им негативных и отчасти позитивных свойств, оказывающих, соответственно, негативное и позитивное воздействие прежде всего непосредственно на интернет-коммуникацию, а в перспективе – и на коммуникацию в целом.

Теоретическая и практическая значимость исследования связана с тем, что полученные авторами результаты вносят определённый вклад в интернет-лингвистику, выявляют тенденции функционирования эрративов в интернет-коммуникации и их влияние на современную коммуникацию в целом, анализируют дополнительные функции эрративов, не описанные ранее.

Ключевые слова: интертекстуальность, литуратив, онлайн-коммуникация, холофразис, экспериментальное исследование, эрратив

Для цитирования:

Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Интернет-общение и «жизнь языка»: эрративы как одна из особенностей современной коммуникации // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 56–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-56-70>

Original research article

INTERNET COMMUNICATION AND “LANGUAGE LIFE”: ERRATIVES AS ONE OF CHARACTERISTIC FEATURES OF MODERN VERBAL INTERACTION

N. Peshkova*, A. Moiseeva, A. Titlova

Ufa University of Science and Technology, ulitsa Zaki Validi 32, Ufa 450076, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: peshkovanp@rambler.ru*

Received by the editorial office 20.09.2024

Revised by the author 03.10.2024

Accepted for publication 04.10.2024

Abstract

Aim. To identify the functional potential of errative units in the communicative practices of the Internet space for the construction of a more detailed classification and further study of erratives, including the identification and prediction of the possibilities of their functioning.

Methodology. To implement the objectives of this study, the method of discourse analysis, the corpus method, the method of social-psycholinguistic experiment, the interpretative method, the method of comparison and generalization were used.

Results. The analysis of modern speech practices allows us to assume that the erratives of the Internet language, with the exception of rude and obscene vocabulary, are a phenomenon characterized by a dual nature. The duality of the nature of erratives lies in the coexistence of their inherent negative and partly positive properties, which, respectively, have a negative and positive impact, first of all, directly on Internet communication, and in the future – on communication in general.

Research implications. The results obtained by the authors make a certain contribution to Internet linguistics, reveal the tendencies of the functioning of erratives in Internet communication and their influence on modern communication in general, analyze additional functions of erratives that have not been described previously.

Keywords: intertextuality, literative, online communication, holophrasis, experimental research, errative

For citation:

Peshkova, N. P., Moiseeva, A. V. & Titlova, A. S. (2024). Internet communication and “language life”: erratives as one of characteristic features of modern verbal interaction. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 56–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-56-70>

Введение

Интеграция различных форм интернет-коммуникации во все сферы человеческого бытия, происходящая в последние годы, стимулировала рождение и развитие новой теории научного знания – интернет-лингвистики. Функционирование языка в интернет-пространстве способствует трансформации привычных нам форм живого коммуникативного взаимодействия и появлению новых интернет-жанров, число которых растёт с

каждым днём в зависимости от появления новых форм выражения коммуникативных интенций, задач и стратегий. Как справедливо отмечает Н. А. Ахренова, являясь эффективным средством коммуникации, «любой язык – естественный или искусственный – заслуживает изучения» [1, с. 4]. Не составляет исключения и интернет-коммуникация, представляющая собой «симбиоз» языков, технического, литературного, а также

«слэнга, поликодовых лингвокреативных конструкций» [1, с. 4].

Актуальность нашего исследования, проводимого в данном русле, определяется, с одной стороны, недостаточной степенью изученности всех особенностей функционирования такого явления интернет-общения, как эрративы, в том числе их неполным классифицированием, в ситуации современной коммуникации в целом; а с другой – обусловлена определённым потенциалом воздействия эрративов на интернет-коммуникантов и возможностями формирования новых тенденций интернет-коммуникации.

В качестве материала для исследования были использованы сообщения интернет-пользователей в региональных телеграм-каналах и чатах русскоязычного интернета, полученные методом сплошной выборки, а также данные собранной нами экспериментальной базы.

Цель нашего исследования состоит в выявлении функционального потенциала эрративных единиц в коммуникативных практиках интернет-пространства, что могло бы стать полезным для построения их более детальной классификации и дальнейшего изучения эрративов, в том числе, выявления и прогнозирования возможностей их функционирования

Е. И. Горошко и Е. А. Землякова, изучая жанровое разнообразие языка интернета, подчёркивают динамичный и эволюционирующий характер самой виртуальной среды. Гипержанры, функционирующие в условиях виртуальной реальности, представляют собой устойчивые модели речевого поведения, обусловленные коммуникативной ситуацией и интенциями пользователя, реализуются в виде сайта, социальной сети, блога, мессенджера. Электронное письмо, форум, чат, микроблог, сервисы мгновенных сообщений, онлайн-конференция, пост автора, а также комментарии пользователя вышеупомянутые авторы относят к числу интернет-жанров [2].

Объект нашего исследования, коммуникация посредством интернет-чата, как известно, направлена на построение и укрепление социального взаимодействия между пользователями и выступает в качестве синхронного межличностного речевого контакта [3]. Что касается *предмета* исследования, обсуждаемого в настоящей статье, в качестве него выступают эрративы (термин Г. Ч. Гусейнова) [4], представляющие собой одну из характеристик интернет-общения, выходящую за пределы интернет-пространства и оказывающую влияние на коммуникацию современного социума.

Эрративы, как известно, подразумевают такую особенность интернет-коммуникации, как намеренное искажение языковой нормы и выход за её пределы в область сознательной неграмотности. Коммуникативный эффект, производимый подобным несоблюдением правил русского языка, считается своего рода проявлением свободы в общении, выходом за рамки дозволенного, а иногда и выражением протеста. Полагают, что у истоков процесса эрративизации стоит популярный двадцать лет назад язык «падонков», так называемый «олбанский». Именно с него началась, по мнению некоторых исследователей [5], «эстетика бунта» и борьба против мнения толпы, против табу и обыденности.

Нужно отметить, что в отечественных исследованиях последних лет большое внимание уделяется выходу эрративов за пределы интернет-общения и, в связи с этим, проблемам их воздействия на коммуникацию в целом.

Так, в исследовании В. В. Цицкун и Д. Д. Корниук, посвящённом интернет-мемам, эрративы характеризуются как крупномасштабное современное явление, уходящее корнями в языковую реформу прошлого века, 1917–1918 гг., когда зарождение «революционного кривописания» уже привело к упрощению орфографической системы русского языка, а также к обеднению и снижению

языковых норм. Эти тенденции продолжают и в настоящее время благодаря вмешательству интернет-коммуникации в реальную жизнь [6].

В. П. Каткова рассматривает функционал эрративов на примере современного рекламного текста за пределами интернета и отмечает, что появление эрративов в рекламе связано с желанием её авторов минимизировать «лексические потери», при этом безграмотность представляется как одно из достоинств современного общества [7].

В зарубежной литературе наиболее близким к понятию эрратива термином можно считать термин «какография», изначально употреблявшийся как антоним понятия «каллиграфия», но позднее обозначающий, в том числе, намеренное искажение и неправильное написание. Среди зарубежных работ последних лет, посвящённых онлайн-коммуникации и способам её осуществления, хотелось бы отметить исследование Тимоти Баркера и Марии Корольковой, в котором авторы говорят о коммуникативном недопонимании, а среди его причин называют, в том числе, и преднамеренные ошибки [8].

Некоторые зарубежные авторы отмечают, что преднамеренное использования неправильных грамматических форм и лексических единиц в интернет-коммуникации зачастую связано с желанием коммуникантов ускорить и упростить общение. Исследователи усматривают в этом определённую опасность, полагая, что перенос подобных упрощений и искажений из языка социальных сетей в условия реального общения препятствует сохранению норм и стандартов английского языка [9].

Эрративы как одна из особенностей интернет-коммуникации

Нужно отметить, что онлайн-пространство обладает широкими словотворческими возможностями благодаря таким структурообразующим характеристикам, как условность интернет-среды, мульти-

медийная природа, быстрота осуществления взаимодействия, а также неиссякаемые выразительные ресурсы языка.

При онлайн-общении информационный посыл оформляется в виде набора графических символов, что позволяет создавать и корректировать текст в течение любого количества времени. Это, в свою очередь, может способствовать проявлению авторского творческого языкового потенциала. Процесс восприятия письменного текста реципиентом сопровождается повышением концентрации на содержании (т. к. возможно повторное восприятие), осознанием и оценкой творческих решений автора.

Отличительной особенностью опосредованной коммуникации, происходящей в виртуальной среде, представляется ярко выраженное стремление к взаимодействию и ориентированность на адресата [10]. Иными словами, интернет-жанры характеризуются направленностью на конкретного реципиента, которая определяет природу сообщения, в частности в мессенджерах и социальных сетях посты, как правило, обращены к подписчикам, друзьям или клиентам.

Как известно, одной из тенденций современной интернет-коммуникации является интертекстуальность, способствующая возникновению гипертекста [11]. Текстовый материал, генерируемый и функционирующий в онлайн-коммуникации, содержит множество явных и скрытых отсылок как к интернет-ресурсам, так и к другим продуктам человеческого творчества, созданным вне сети, среди них и текстовые источники, и произведения кинематографа, музыкальной, рекламной, художественной сферы.

Интертекстуальность, как можно видеть, делает популярными и приумножает искажения и нарушения языковой нормы; при этом в современной коммуникации, особенно в соцсетях, чатах, телеграм-каналах, такая девиация постепенно становится своего рода субнормой, имея тенденцию покидать виртуаль-

ную сферу и включаться в разговорную речь. Здесь можно вспомнить следующие популярные в молодёжной среде выражения: *типо; казбэ; ничосе; вапице; фигасе; карочи; ачотакова* и т. п.

Как отмечалось выше, одной из характеристик интернет-жанра является его эрративизация. Истоки данного явления лежат чаще всего в стремлении коммуникантов, в большинстве своём представителей молодёжной среды, передать свою эмоциональную реакцию, при невозможности использовать в письменной коммуникации разнообразные экспрессивные средства, доступные при устном общении.

Напомним, что эрративизация представляет собой осознанное нарушение норм и не является следствием необразованности или безграмотности участников коммуникации. Как свидетельствует проанализированный материал, использование эрративов присуще вполне грамотным коммуникантам и очень часто связано с выражением чувства юмора, с косвенной иронией, сарказмом, а не с проявлением ложно понимаемой свободы общения.

Принято выделять несколько типов эрративов: изменения и искажения могут касаться фонетики, грамматики, значения лексических единиц и их графического отображения. Как показывает анализ материала данного исследования, в интернет-коммуникации наиболее часто встречаются фонетические и орфографические эрративы: *намана, плюрализм, чёрный, жыр, ящитаю, атписка, интырнеты, чорт, блохер*.

Эрративы могут возникать и как саркастическая реакция на безграмотность. В телеграм-канале одного известного блогера была опубликована фотография, на которой изображена пасхальная служба и подпись автора поста: *Всех крестьян с праздником!*¹. Комментарии

пользователей изобилуют фотографиями и картинками работающих крестьян, лаптей, избушек – всей атрибутики, присущей крепостному образу жизни. Помимо графической составляющей, ирония комментаторов выражалась в репликах: *Онтошка! Христиане и крестьяне енто разное!* (автора поста зовут Антон Гусев); *когда спорд и ЗОШ победили мозг. Эх, онтоша, онтоша ...; Онтуан, какой же ты пернатый дуралейка! Слухайтеееее... барин к вам тут обращение имеет!*²

Следует подчеркнуть, что суждения онлайн-дискурса строятся на основе двух противоположных принципов – экономии и избыточности [12]. Экономия, присущая онлайн-общению, выражается в употреблении привычных штампов-сокращений не только для минимизации объёма затрат мышечной энергии в процессе использования электронного устройства, но и зачастую для повышения эмоциональной составляющей высказывания: *пжлста, норм, кст, не зна, нра, не нра, обожа, сек, тя, спс, оч, чё*. Кроме того, в социальной коммуникации распространено явление упрощения пунктуационных элементов, а именно, пропуск точек, запятых и т. д. Также частым приёмом является замена прописных букв строчными в начале предложения.

Наиболее распространённой реализацией принципа избыточности является многократный повтор букв, чаще гласных, для усиления выразительной, экспрессивной функции высказывания, с целью усиления его воздействующего потенциала: *ващеееее, ооооокей, оххх печальноооо, сюрприишииз*.

Среди активно функционирующих в настоящее время авторских новообразований в онлайн-коммуникации, относящихся к эрративам, следует отметить голофрастические конструкции. Холофразис представляет собой графический приём слияния нескольких элементов в единое целое с помощью стирания про-

¹ АНТИК В ПЕРЬЯХ : telegram-канал. URL: <https://t.me/antikperochat> (дата обращения: 20.08.2024).

² Там же.

белов. Существуют слитные голофрастические конструкции и полуслитные (написанные через дефис) [13]. Для современного сетевого общения более привычно использование слитных голофрастических конструкций, которые успели стать устойчивыми выражениями, такими как междометные восклицания: *прастигосподи, ойвсё, твоужзаногу*; или дискурсивные маркеры и союзы: *штош* (что ж), *есичо* (если что), *ящитаю* (я считаю).

Слитное написание характерно и для так называемых хештегов: *#Чтотытакое*, *#Этотыпокупаем*, *#классикамемов*, *#простоотвлечьсянакрасивое*, *#бабьеконварствонезнаетграниц*, *#инсулиноваякомавошлавчат*. Закономерно, что наибольший воздействующий эффект и эмоциональный отклик получают индивидуально-авторские примеры голофразиса, привносящие дополнительный смысл, чаще ироничный, саркастичный оттенок. Некоторые из них стали интернет-мемами: *яжмать*, *тыжмать*, *дайтеденяк*.

Одним из эффектных, но и достаточно сложных для восприятия приёмов являются литуративы. Они, как известно, представляют собой зачёркивание части текста и, как считается, получили распространение с появлением технической возможности его исполнения:

Будуар императрицы наш Зоопарк повидал немало на своем веку, но история... реально какая-то странная.

Меж тем товарищи ученые нашли кожу рептилоидов, которые прилетели с Нибиру жили на Земле еще СИЛЬНО за долго до динозавров.

... для многих до сих пор «мы говорим «партия» «наша наука» – подразумеваем «Ленин» РАН».

Люди хотели сэкономить на налогах украсть деньги, а их поймали и выслали¹.

Приём зачёркивания части сообщения, как можно видеть, не вычёркивает

её из контекста, а напротив выделяет, привлекает к ней внимание. Посредством данного приёма передаётся коннотация, определённый подтекст, чаще всего ироничный. Существует мнение, что имплицитный контекст, реализуемый с помощью перечёркивания, содержит денотативный компонент значения сообщения, создавая эффект смысловой многослойности. Использование данного приёма «значительно обогащает языковую ткань любого сообщения и разнообразит фактуру текста» [4].

Как показывают исследования, в том числе и наши, взаимозависимые отношения между зачёркнутой и «чистой» частями текста основаны на различных типах связи: ассоциативной; реальности / нереальности или вымысла / реальности; на отношениях, основанных на эффекте обманутого ожидания и т. п. М. А. Булавина характеризует текстовый отрезок, содержащий литуратив как «результат мнимой интеллектуальной или эмоциональной рефлексии», как будто автор говорит: «Я хотел сказать одно, но скажу другое». Однако суть приёма состоит в том, чтобы целенаправленно представить на суд зрителя оба варианта, имплицитно выражая свою позицию [14, с. 45].

Анализ и классификация функций эрративов в интернет-общении на основе эмпирического материала и данных экспериментального исследования

Обсудим некоторые наиболее значимые функции эрративов, реализуемые в интернет-коммуникации.

Одной из функций окказиональных эрративов в блогах и комментариях Телеграма является *приписывание характеристики описываемому персонажу*.

Здесь можно привести следующий пример: *«пшОл вон атседова, ишььчо удумал тут»²*. Автор, применяя сразу

¹ Зоопарк из слоновой кости: telegram-канал. URL: <https://t.me/ivoryzoochat> (дата обращения: 20.08.2024).

² Admin.Anshlak: telegram-канал. URL: <https://tegra.ph/AdminAnshlak-11-03-2> (дата обращения: 20.08.2024).

три орфографических эрратива, пытается передать особенности экспрессивной речи престарелого человека с невысоким уровнем образованности. Это, как можно предположить, перекликается с литературной традицией, когда писатели-классики прибегали к подобному приёму для создания речевой характеристики персонажей.

Порой автор микротекста в интернете, используя эрратив для характеристики персонажа или партнёра по интернет-коммуникации, не столько имитирует его речь, сколько иронически прогнозирует её, создавая его образ в своём авторском видении и выражая собственное отношение к нему: «Ой, а шо такое?!»; «А еше ми таки забыли дрессированного пеликана у Буланжерии, который орал английскому чмошнику: «Борис, ну це капец! Це капец, Борис!»; ПРЬЛЭстно!; Вай ме, как теперича жить то...; Держитесь, весь обещаанный калтенд будет построен на «мы завтракать»¹.

Комментирующие, прибегая к ненормативной орфографии и морфологии, как бы прогнозируют его манеру выражаться и при этом передают своё ироническое отношение к личности из поста, по сути, свою эмоциональную оценку интернет-коммуниканта.

Достаточно часто у эрративов прослеживается функция смягчения, поскольку они призваны облегчить процесс коммуникации в условиях, когда не видно лица собеседника и без смягчения печатные слова могут прозвучать обидно или слишком серьёзно для собеседника.

Особенно это заметно в русскоязычной коммуникации, которая отличается большей эмоциональностью. Например, «узбагойса»; просците; уочень понятно; оу, зОчем сердишьсья?

Ещё одной функцией русскоязычных эрративов представляется **функция идентификации**, особенно в случае эррати-

вов, созданных на базе английских заимствований, таких как: *гуглмансы* (*google taps*), *чайлдфру* (*childfree*), *топчик* (*top*).

Подобные заимствования, передаваемые в русской транскрипции, часто подвергаются намеренной трансформации. Функция идентификации здесь выражается в том, что пользователи, применяющие такие эрративы, тем самым причисляют себя и своих читателей к одному кругу людей, понимающих смысл данных заимствований и способных оценить их шутивную трансформацию, то есть людей достаточно грамотных и при этом современных.

Ещё одной важной функцией эрративов в интернет-коммуникации является **усиление эмоциональности высказывания**, передача эмоций автора: *Тимбольи, у нее жир распределяется в основном в ноги, колени, икры; Потерпите чючуть; поздравления от Лухари косметолога; фыкарная женицина; она же лухарих**хари; – почему весь день в наушниках? – да он аффирмации слушает про бахацтво*².

Так, например, пользователи часто используют для функции усиления большее количество букв, сравнительно с нормативным написанием: «вооооот»; «таааак»; *Дураааа; Он будет говорить им ни хаоооо, сто руппльей братец пазалустааа...; Даже тут обычная нога размера L какой иксэсэсссс?! Дикаааари, их восхищают трамвайные пути. У нас таких то неееету, кхе-кхе; Да лааааадно? Вы завтракаете??*³

Как известно, в интернет-общении важным является фактор времени. Иными словами, необходимо набирать текст достаточно быстро, так как это в определённой мере является аналогом устной беседы. Такое обстоятельство породило ещё одну функцию интернет-эрративов – **функцию экономии времени**. С этой целью в Телеграм широко применяются, на-

¹ Зоопарк из слоновой кости: telegram-канал. URL: <https://t.me/ivoryzoochat> (дата обращения: 20.08.2024).

² АНТИК В ПЕРЬЯХ: telegram-канал. URL: <https://t.me/antikperochat> (дата обращения: 20.08.2024).

³ АНТИК В ПЕРЬЯХ: telegram-канал. URL: <https://t.me/antikperochat> (дата обращения: 20.08.2024).

пример, сокращение до начальных букв фразы: *др* вместо «день рождения»; *нг* вместо «Новый год»; *хз* вместо ненормативного выражения, литературно передаваемого как «кто знает»; *ща* вместо «сейчас»; *крч* вместо «короче» и так далее.

Однако, на наш взгляд, выделение данной функции неоднозначно, поскольку существующие технологии автокоррекции ввода текста позволяют не писать слово целиком, с первых букв предлагая правильный вариант написания. Так, написание слова «щас» займёт больше времени, поскольку данный вариант не заложен в памяти автокорректора и его придётся полностью вводить вручную. В то время как слово «сейчас» будет предложено автоматически.

С целью пополнения классификации функций эрративов нами были проанализированы комментарии пользователей трёх чатов: закрытого чата в кроссплатформенном мессенджере Телеграм, участниками которого являются 12 человек; чата, объединяющего коммуникантов по профессиональным интересам, включающего 20 участников; а также школьного чата выпускного класса в количестве 30 человек. Информация об участниках эксперимента связана с их образованием, которое косвенно говорит об общем уровне грамотности, а также с возрастным параметром, находящимся в диапазоне от 16 лет (школьный чат) до 60 лет (чат по профессиональным интересам).

Собрав материал методом сплошной выборки и проведя анализ более 300 комментариев, авторы предприняли попытку дополнения классификации функций эрративов. Нами были выявлены следующие дополнительные функции.

1. Увеличение или преувеличение количества объектов, упоминаемых в сообщении: *тыщица / стопиц(ц)от / (о)х**иард / (о)х**ион* и др.

Эрративы в данных примерах подчёркивают большое количество, употребляются в значении «очень много».

Даша Мурлыка: *А он гайковерт хочет, девочки, за 100 тыщ пыщ.*

Miss Pingui: *Так он в дм 3 тыщи стоит, с доставкой выйдет ещё дороже.*

Анастасия: *А справок куча, аж на тыщ 200 с хвостом.*

Anastasia: *Но когда присматриваюсь к движению, кто куда лезет, подрезает, все эти фуры, стопицот полос... Не, мне на заднем сидении отлично.*

Тихон: *Она пережила ох**иард операций и живет исключительно из вредности.*

2. Смягчение обценной лексики или маскировка инвективы: *епть / епта* и др.

Очевидно, что функция данного вида эрратива состоит в том, чтобы не прописывать полностью, завуалировать обценности.

Miss Pingui: *У меня от архитектора до сих пор лежат инструменты дорожнице. Наследство епта!*

Вероника: *Я просто не понимаю нафуа она к нему прилетает.*

Rufina: *Вот поэтому бизнес не мое. Ну его фжоп, я и так седая.*

3. Приближение к разговорной речи, использование графических оборотов для передачи разговорной речи: *чесслово / чо / есичо*.

Катя: *Ненормальные мамашки, чесслово.*

TatianaX: *Чесслово, это лютый холод! Зачем так холодно?*

Miss Smith: *Я маненько верю, но уже не куплюсь на такое.*

ЗлаяЯ: *Есичо, тут доктор хороший есть)*

4. Сокращения или стяжения слова / словосочетания, такие как *варик / норм / межпроч*, выполняющие двойную функцию, во-первых, экономии времени, потраченного на написание полного варианта, и во-вторых, пародирования разговорной речи.

RT: *Канеш, я пуреланом мазала, все равно сохнут.*

Rlna: *Не уверена, что для их приготовления у меня достаточно прямые руки, но всегда есть варик выкинуть.*

Даша Мурлыка: *Хочешь норм подарок на 8, не дари носки на 23)*

5. ИмPLICITное выражение оценочной иронии/сарказма: *извинити / прастити (прасцици) / в Парыжу / зовидую / щас (щаз) / Госпидя / узбагойся / ну штош.*

Подобные эрративы часто выполняют функцию передачи имPLICITной эмоциональной негативной оценки.

Доктор Ру: *Прастити-извинити. Я просто вижу, что с блесками, значит, старалась, собиралась.*

Irena: *Ну щас она возьмет и извинит-ся, ага.*

Rufina: *А потом обычные женщины им зовидуют и говорят, что им просто повезло.*

Виктория Александровна: *Ох, бедная несчастная, опять все сома.*

Зайчатка: *Ну штош, удачи тогда.*

Anna Matafonova: *Ноукой занимается, учОный жи.*

Ольга: *Оспидя, ну зарегистрируйся еще раз. Проблема тоже мне.*

6. Использование прецедентных эрративов, ставших интернет-мемами (*кросивое / ъыѳ / свинера / стлесс / неть(ѳ)*), часто основанных на информации, распространяемой в медиапространстве в последние годы.

Анастасия: *Я спрашиваю, чо молчала. Она мне – ѳыѳ, забыла.*

Пална: *Я маску на волосы намазюкала, кросивое будет (нетѳ).*

Кэтрин: *Назвать мужика лысым, вот она свинера, конечно!*

Обсуждение результатов экспериментального исследования

После проведения анализа собранных реакций-комментариев и выявления их дополнительных функций в интернет-коммуникации, нами был подготовлен и проведён экспериментальный опрос среди участников трёх чатов: первый объединял участников коммуникации по интересам, в большинстве своём, имеющих высшее образование (115 комментариев);

второй чат характеризуется как профессиональный, участники его относились к академической аудитории, включающей преподавателей и сотрудников университета (57 комментариев); третий чат составила молодёжная школьная аудитория выпускников, общающихся ради передачи информации и поддержания коммуникации в классе (150 комментариев).

Подготовленный опросник для пользователей вышеупомянутых чатов включал упрощённое определение эрратива и ряд вопросов, из которых только один требовал односложного ответа да/нет (Используете ли Вы эрративы в интернет-общении?). Все остальные вопросы побуждали к размышлению и требовали аргументации своей позиции, своего мнения или своих действий.

Приведём определение эрратива для участников экспериментального исследования, а также примеры некоторых вопросов.

«Эрратив – это намеренная, подчёркнутая неграмотность, сознательное игнорирование правил написания слов, пунктуации и т. п. Например: *стопицот, тыщ, чо, норм, прастити, узбагойся, штош, кросивое.*

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

Используете ли Вы эрративы в интернет-общении?

Если Вы используете эрративы, часто или редко Вы это делаете?

Почему Вы используете эрративы часто/редко?

Если Вы не используете эрративы, почему Вы это делаете?

Почему (с какой целью) Вы пишете слово с ошибкой, если знаете его правильное написание?».

Проведённый опрос первого чата по интересам показал, что в интернет-коммуникации и в устном живом общении большая часть респондентов (87%) используют эрративы достаточно редко, поскольку основная часть окружения этих коммуникантов не использует и

порой не понимает смысла сообщения с эрративами. Иными словами, из-за нежелания показаться малограмотными, необразованными пользователи стараются придерживаться нормативного языка. Можно привести такие ответы наших респондентов:

Тихон: *В офлайн редко, очень редко. Социум, в котором живу, не понимает и не использует практически, только за редким исключением.*

Катя: *Я использую в этом чате или в переписке с подругой, в жизни нет. Мои знакомые никто не используют такие слова.*

Ирэна: *Нечасто. Я бы сказала, что только здесь) Не припомню, чтобы в переписках я употребляла эрративы. Вы поймете, а остальные под вопросом.*

Ольга: *В живом общении достаточно редко. Не очень мне нравится неграмотность.*

Вика: *Использую такие слова в этом чате и с некоторыми друзьями, с которыми можно их использовать, они привыкли к этому и не возмущаются.*

Руфина: *Иногда пишу, зависит от человека и вообще от круга общения. Обычно близким.*

Некоторые пользователи приводят свои доводы в пользу употребления эрративов, но только в письменном интернет-общении:

Пална: *Оч. часто. Это экономит время. Вы посмеетесь, мол, секунду сэкономила, а я отвечаю: да, экономит. Вот иду я по улице, мне подруга фотку шлет. Я подумаю: абалденная, но отвечаю: збс. Если я буду писать «абалденный», то зимой отморожу руки. Ну или смотрю фильм и параллельно переписуюсь. А в фильме мой любимый Никита Ефремов. Ну как тут не заэрративить? Но в то же время, не надо забывать про уместность. Если в род чате я пишу: Доброе утро! Простит, извините, пожалуйста, то в этом чате можно просто сказать «халоу, чо».*

Интересно отметить, что небольшой процент респондентов (8% из 87% тех,

кто редко использует эрративы) признались в отказе от желания пользоваться намеренным ненормативным написанием по мере взросления, возможно, по мере избавления от подросткового желания выделиться.

Аня: *Раньше использовала гораздо чаще, сейчас реже.*

Х: *Канеи, не часто! Я человек образованный).*

Аня: *Раньше это было чаще, потому что казалось прикольнее и было в моде писать криво, типа ты не такой, как все, задаешь тенденции, смешно исковеркал слово. Стала реже, потому что хочется писать грамотнее и чище. Бывает такое, что в переписке с подругами пишешь какое-то слово, потому что тоже прикольнее выглядит или мемы есть актуальные на эту тему. Из недавних: крассивое, ужос, сома. Стараюсь быть на волне и в теме, но периодически раздражать начинает, и снова перехожу на нормальную грамотность.*

Среди причин умышленного искажения орфографических норм пользователи называют стремление сделать текст более «атмосферным», придать ему живость и эмоциональность:

Пална: *Иногда напишу, а потом начинаю сомневаться в своей писанине, «а правильно ли я написала». Кст, иногда писанина с ошибкой весьма уместна. К примеру, когда рассказываешь какую-то историю из жизни. Эрративы придают истории какую-то атмосферность, что ли. Текст получается не «сухой», а ламповый такой.*

Вика: *Мне кажется, некоторые такие слова делают переписку живее.*

Есть несколько комментариев, в которых использование эрративов аргументируется желанием сопротивления суперграмотным перфекционистам или протестом против борцов за грамотность, целью которых, по мнению авторов подобных комментариев, часто является стремление к превосходству над соперником, выражающееся в желании

исправить его речь, а вовсе не донести более чётко определённую мысль:

Руфина: *Для меня это выросло из междусобойного прикола между граммар-наци, используется для придания письменной речи некой фривольности.*

Основной же причиной применения эрративов пользователи данной группы, как правило, называют стремление принадлежать определённой группе, общаться со «своими», с тем узким кругом единомышленников, которые правильно поймут и по достоинству оценят подтекст, иронию, языковую игру, содержащуюся в сознательном ненормативном написании слов:

Тихон: *В одном случае, подстраиваясь под аудиторию, в другом более точно передает смысл сообщения.*

Ольга: *В сообщениях только тем, кто действительно поймет настроение и смысл самого сообщения, так как не всегда люди правильно понимают написанное.*

Ирэна: *Совершаю маленькое идеальное преступление, и ничего мне за это не будет) У меня педагогическое образование, и я иногда могу заморачиваться над написанием слов, над склонением. А вообще, эрративы расслабляют мозг, постараюсь поменьше их употреблять.*

Х: *Вообще, я работаю с людьми, поэтому ихние привычки и речь перенимаю. Имхо, мне норм.*

Таким образом, мы можем проследить преобладающую тенденцию здорового отношения к использованию эрративов в экспериментальной аудитории чата по интересам в условиях сознательного анализа проблемы. Как уже отмечалось выше, 87% участников опроса редко по их собственной оценке используют эрративы, объясняя это рациональным отношением к процессу общения нежеланием выглядеть не вполне образованной личностью. При этом только 8% этой аудитории связывают своё нежелание использовать эрративы с фактором взросления.

Меньшая часть данной экспериментальной аудитории, составляющая 13%,

объясняет свою привычку использования эрративов различными причинами. Причины использования варьируются от нерационального желания украсить свой комментарий или просто расслабиться в общении со своей компанией до вполне рациональной позиции, связанной с профессиональной деятельностью, например, работой с подгруппой социума, большая часть которой принимает подобную речевую практику.

Участники чата, объединённые профессиональным интересом и принадлежащие академической университетской среде, как и можно было предположить, в своём большинстве (97%) не используют эрративы в деловом интернет-общении, соблюдают все нормы грамматики и синтаксиса русского языка, руководствуясь профессиональной этикой. 3% коммуникантов прибегают к эрративной лексике, выполняющей функцию экономии усилий в процессе общения, примерами которой являются *спс/спсб* или *пжст/пжлст*; реже этой же группой применяются эрративы, передающие эмоции, такие как: *даааа*, *вооот*, *нууу*. При этом около 30–40% представителей от всех участников профессионального чата готовы использовать эрративы в процессах коммуникации в чатах по интересам и в индивидуальном интернет-общении с друзьями.

Неожиданные результаты показал опрос школьного чата выпускников (возрастной диапазон 16–17 лет). В соответствии с полученными данными около 70% участников данного чата не стремятся к намеренному использованию неправильных грамматических слов и конструкций. Более того, критику со стороны большинства коммуникантов вызывают эпатажные неправильные конструкции, используемые меньшинством. В качестве примеров реакций на использование обценной лексики и грубых (плюс неправильных) фраз можно привести такие комментарии, как:

Чего это ты? Совсем отупел в северной столице?

Кончай борзеть))) Мы тебя и так знаем Да ладно, не надо тут ...

Наиболее популярными эрративами среди участников школьного чата стали *чо* и *ща*; используемые в целях экономии усилий: *мб, спс, пжст*; а также для выражения эмоций: *сЕди, сежу-сежу* и *огоооо*. Следует отметить также отсутствие в сообщениях и комментариях знаков пунктуации и заглавных букв: *москва, уфа, питер*.

По поводу использования «неправильностей» и «специально неграмотных слов» в интернет-общении главным аргументом в оценках этого явления для большинства участников экспериментального опроса (70%) школьного чата стали утверждения: «Сейчас это уже не интересно», «Это прошло». Один из респондентов заявил: «Это из моего детства, наверное, где-то 2014. Сейчас нет».

Таким образом, полученные данные опроса позволяют констатировать определённое угасание популярности эрра-

тивов и интереса к их использованию в интернет-коммуникации со стороны подросткового социума. Хотя, безусловно, это ещё не означает их окончательного ухода как из интернет-коммуникации, так и из живого общения.

В завершение обсуждения ниже мы ещё раз приводим некоторые результаты экспериментального исследования в форме таблицы 1.

Заключение

Приведённый в статье анализ эрративов, классифицирование их функций в интернет-коммуникации и анализ данных, полученных экспериментальным путём, позволяют сделать некоторые выводы относительно особенностей функционирования различных видов эрративов в интернет-общении. Прежде всего, анализ современных речевых практик позволяет предположить, что эрративы интернет-языка, за исключением грубой и обсценной лексики, представляют собой явление, характеризующееся двойственной природой. Двойственность

Таблица 1 / Table 1

Результаты экспериментального исследования использования эрративов в интернет-коммуникации / Results of an experimental study of the use of erratives in the Internet communication

Вид интернет-коммуникации	Использование эрративов в интернет-коммуникации – с показателем «часто»	Использование эрративов в интернет-коммуникации – с показателем «редко»	Преобладающая функция эрративов, используемых в интернет-коммуникации
1. Интернет-чат по интересам (высшее образование; различные профессии, возраст 36-44 года)	13% коммуникантов чата	87% коммуникантов чата	1. Функция передачи эмоций. 2. Функция достижения релаксации.
2. Профессиональный чат (академический университетский социум; возрастной диапазон от 30 до 60 лет)	3% коммуникантов чата	97% коммуникантов чата	1. Функция экономии усилий. 2. Функция передачи эмоций.
3. Школьный чат выпускного класса (возраст 16-17 лет)	30% коммуникантов чата	70% коммуникантов чата	1. Функция экономии усилий. 2. Функция передачи эмоций.

природы эрративов заключается в сосуществовании присущих им негативных и отчасти позитивных свойств, оказывающих, соответственно, негативное и позитивное воздействие, прежде всего, непосредственно на интернет-коммуникацию, а в перспективе – и на коммуникацию в целом. Об этом говорилось в предшествующих исследованиях данного явления интернет-языка [15].

Нельзя не видеть некоторой положительной стороны природы эрративов, в одних случаях проявляющейся в создании комического эффекта, направленного на снижение агрессии склонных к ней коммуникантов; в других – смягчающего посредством иронии грубую коммуникацию, зачастую присущую анонимному интернет-общению; тем самым снижающей напряжение в общении и способствующей разрядке коммуникативного конфликта.

Авторы статьи не разделяют мнения части участников нашего экспериментального опроса, утверждающих, что особая (стилистическая) окраска эрративов позволяет по-разному интерпретировать слова и выражения, в том числе и иноязычные, превращая привычное в новое, и тем самым способствуя развитию креативного мышления коммуникантов. Подобное мнение представляется нам спорным, однако его следует привести для характеристики части наших респондентов и как одну из возможных перспектив дальнейшего обсуждения проблемы.

Отрицательная сторона использования эрративов связана прежде всего с тем, что постоянное искажение употребления слов и их сочетаний, как можно

уже наблюдать, искажает и их стабильное восприятие, результаты которого представлены в вербальном сознании участников коммуникации; тем самым нарушая разграничение правильного и неправильного, нормы и НЕ нормы в коммуникативной практике, в речи и в языке. Подобная ситуация может привести и, как показывает жизнь, отчасти уже приводит к непониманию и разрушению правил этики общения в языковом сознании коммуникантов; к стиранию грани между формальным и неформальным общением в каждодневной коммуникации, выходящей за пределы интернет-пространства. Подобная ситуация, как нам представляется, в случае её динамичного развития в перспективе могла бы привести и к разрушению системы базовых культурных ценностей социума.

Однако, данные экспериментального опроса, проведённого нами в аудитории пользователей трёх чатов – коммуникантов, объединённых общением по интересам и профессиональным общением, а также необходимостью обмениваться информацией общего и делового характера, – свидетельствуют в пользу преобладания умеренного и рационального отношения к использованию эрративов в различных речевых практиках. Кроме того, полученные нами данные демонстрируют определённое ослабление интереса современного молодёжного социума к использованию эрративов, что, как можно предположить, обеспечивает перспективу сохранения базовых принципов «жизни языка», в том числе его нормы и речевой этики, в коммуникации современного российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: доминантный подход: монография. М.: Русайнс, 2022. 178 с.
2. Горошко Е. И., Землякова Е. А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 1-1. С. 225–237.
3. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009. 238 с.

4. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы : доклад в Fitzwilliam College (University of Cambridge), 29 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm> (дата обращения: 23.01.2024).
5. Шаповалова Н. Г. ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности // *Жанры речи*. 2007. № 5. С. 403–412.
6. Цицкун В. В., Корниук Д. Д. Эрративы как одно из средств передачи вербальной информации в интернет-меме // *Art Logos (искусство слова)*. 2023. № 2. С. 142–151. DOI: 10.35231/25419803_2023_2_142.
7. Каткова В. П. Эрратив в рекламном тексте // *Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3: Филологические науки. Медиакоммуникации*. 2022. № 2 (76). С. 26–30.
8. *Miscommunications: Errors, Mistakes, Media* / ed. by T. Barker, M. Korolkova. New York: Bloomsbury Publishing, 2021. 344 p.
9. Ojetunde C. F. The Use of English on Social Media: Deviation or Variation? // *The European Conference on Arts & Humanities 2019: Official Conference Proceedings* [Электронный ресурс]. URL: <https://papers.iafor.org/submission52163/> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова; 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 328 с.
11. Новые формы и условия современной речевой коммуникации: монография / Н. П. Пешкова, Д. Р. Гилязова, Я. А. Давлетова, И. Х. Мигранова, А. В. Моисеева, А. С. Титлова; ред. Н. П. Пешкова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 184 с.
12. Сорокина Т. А. Дискурсивная организация русскоязычной технически опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 20 с.
13. Ковынева И. А. Голофрагис как способ словообразования в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 175 с.
14. Булавина М. А. Зачеркивание как один из приемов языковой игры в интернет-коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2012. № 1. С. 45–52.
15. Пешкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации // *Вопросы психолингвистики*. 2024. № 2 (60). С. 77–89. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89.

REFERENCES

1. Akhrenova, N. A. (2022). *Internet linguistics: dominant approach*. Moscow: Rusains publ. (in Russ.).
2. Goroshko, E. I. & Zemlyakova, E. A. (2011). Theory of Virtual Genres: Paradigm Development. In: *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, vol. 24 (63), 1-1, 225–237 (in Russ.).
3. Shchipitsina, L. Yu. (2009). *Genres of computer-mediated communication*. Arkhangelsk: Pomor University publ. (in Russ.).
4. Guseinov, G. Ch. (2008). *Incomplete communication in the blogosphere: erratives and liturgicals: report at Fitzwilliam College (University of Cambridge), August 29, 2008*. URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm> (accessed: 23.01.2024) (in Russ.).
5. Shapovalova, N. G. (2007). ORPHO-art: carnival communication in virtual reality. In: *Speech Genres*, 5, 403–412 (in Russ.).
6. Tsytskun, V. V. & Korniiuk, D. D. (2023). Erratives as one of the means of transmission of verbal information in the internet meme. In: *Art Logos – The Art of Word*, 2, 142–151. DOI: 10.35231/25419803_2023_2_142 (in Russ.).
7. Katkova, V. P. (2022). Erratives in an Advertisement. In: *Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series 3: Philological Sciences. Media Communications*, 2 (76), 26–30 (in Russ.).
8. Barker, T. & Korolkova, M., eds. (2021). *Miscommunications: Errors, Mistakes, Media*. New York: Bloomsbury Publishing (in Russ.).
9. Ojetunde, C. F. (2019). The Use of English on Social Media: Deviation or Variation? In: *The European Conference on Arts & Humanities 2019: Official Conference Proceedings*. URL: <https://papers.iafor.org/submission52163/> (accessed: 19.08.2024).

10. Kolokoltseva, T. N. & Lutovinova, O. V., eds. (2018). *Internet communication as a new speech formation*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
11. Peshkova, N. P., Gilyazova, D. R., Davletova, Ya. A., Migranova, I. Kh., Moiseeva, A. V. & Titlova, A. S. (2023). *New forms and conditions of modern speech communication*. Ufa: Ufa University of Science and Technology publ. (in Russ.).
12. Sorokina, T. A. (2013). *Discursive organization of Russian-language technically mediated communication* [dissertation]. Saratov.
13. Kovyneva, I. A. (2007). *Holophrasis as a method of word formation in the Russian language* [dissertation]. Oryol.
14. Bulavina, M. A. (2012). Strikeout as one of the linguistic game mode in the internet communication. In: *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 1, 45–52.
15. Peshkova, N. P., Moiseeva, A. V. & Titlova, A. S. (2024). New forms of precedent text in modern internet communication. In: *Journal of Psycholinguistics*, 2 (60), 77–89. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пешкова Наталья Петровна (г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий;

ORCID: 0000-0003-4611-2887; e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Моисеева Ангелина Валерьевна (г. Уфа) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий;

ORCID: 0000-0002-6188-5450; e-mail: mo_link@mail.ru

Титлова Анастасия Станиславовна (г. Уфа) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий;

ORCID: 0000-0003-4854-9441; e-mail: nastyatitl@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalja P. Peshkova (Ufa) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department Head, Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology;

ORCID: 0000-0003-4611-2887; e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Angelina V. Moiseeva (Ufa) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology;

ORCID: 0000-0002-6188-5450; e-mail: mo_link@mail.ru

Anastasiya S. Titlova (Ufa) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology;

ORCID: 0000-0003-4854-9441; e-mail: nastyatitl@gmail.com